

ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОРЕННОГО ОСЕТИНСКОГО НАРОДА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ И ЕГО ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В XVIII–XIX ВВ.*

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, РСО-Алания, Россия,
dzidzoevv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена зависимому населению осетинского народа в XVIII–XIX вв. и их взаимоотношениям с феодалами Северной Осетии, которые вошли в историографию Кавказа под именем алдаров у осетин-иронцев, и баделят у осетин-дигорцев. Они были приравнены к русским дворянам и разные исследователи XVIII – XIX вв. называли их, то старшинами, то феодалами, то князьями. Но, в сущности, они сформировались в феодальный класс и имели по обычному праву осетин все привилегии над подвластными крестьянами, которых эксплуатировали. В свою очередь и подвластные крестьяне подразделялись на несколько категорий: у осетин-иронцев на фарсаглаги (сбоку стоящий), кавдасардов (рожденный в хлеву, отец которого был феодалом, а мать наложницей), кусаги (работники), рабы. У осетин-дигорцев подвластные крестьяне делились на: адамихатов (порода людей), кумаягов (человек из Кумы, т.е. рожденный от феодала и наложницы), косагов (работников) и рабов.

Ключевые слова: феодал, класс, феодальная зависимость, алдар, баделят, Кавказ, обычное право, коренной народ, Осетия, Тагаурия, Дигория, Куртатия, Алагирия

Для цитирования: Дзидзоев В. Д. Зависимое население коренного осетинского народа Северной Осетии и его правовое положение в XVIII–XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 23–32. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-23-32>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

DEPENDENT POPULATION OF THE INDIGENOUS OSSETIAN PEOPLE OF NORTH OSSETIA AND ITS LEGAL STATUS IN THE 18TH-19TH CENTURIES

Valerii D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, RSO-Alania, Russia, dzidzoevv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the dependent population of the Ossetian people in the 18th – 19th centuries and their relationship with the feudal lords of North Ossetia, who entered the historiography of the Caucasus under the name of the Aldars among the Ossetians-Ironians, and the badeliat among the Ossetians-Digorians. They were equated with the Russian nobles and various researchers of the XVIII – XIX centuries. They called them, then elders, then feudal lords, then princes. But, in

* **Коренной (автохтонный) народ** – тот, который на данной конкретной территории живет веками, а то и тысячелетиями. Этногенез его произошел именно здесь, и он создал на этой конкретной территории свои лучшие национальные творения (язык, эпос, культуру, традиции, духовность и т.д.), неоднократно защищал ее с оружием в руках от различных завоевателей и притеснителей, обильно проливая кровь своих сыновей и дочерей, что дает ему правовое, историческое, политическое и моральное право называть эту землю исконной, родной, отцовской, суверенной [1, с. 50].

essence, they formed into a feudal class and, according to customary Ossetian law, had all the privileges over subject peasants who were exploited. In turn, the subject peasants were divided into several categories: among the Ossetians, the Irons were divided into farsaglaji (standing sideways), kavdasards (born in a barn, whose father was a feudal lord, and whose mother was a concubine), kusagi (workers), slaves. Among the Ossetians-Digors, subject peasants were divided into: adamikhats (a breed of people), kumayags (a person from Kuma, i.e. born from a feudal lord and a concubine), kosags (workers) and slaves.

Keywords: feudal lord, class, feudal dependence, Aldar, badelat, Caucasus, customary law, indigenous people, Ossetia, Tagauria, Digoria, Kurtatia, Alagiria

For citation: Dzidzoev V. D. Dependent population of the indigenous Ossetian people of North Ossetia and its legal status in the 18th-19th centuries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):23–32. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-23-32>

В статье речь пойдет о коренном осетинском народе Осетии, значительная часть которого в Северной Осетии была подвластной осетинским алдарам и баделятам, т.е. феодалам, которым по обычному праву осетин подчинялись крестьянские массы. Конечно, коренной народ, как и многие другие важнейшие историко-правовые понятия – нация, государство, классы и т.д. имеет различные толкования и пояснения. Однако, в любом случае коренным, автохтонным (иногда их называют и туземцами) нужно считать тот народ, который веками проживает на данной территории и, защищая ее от различных завоевателей обильно проливает кровь своих лучших представителей во имя ее свободы. Разумеется, это не полное определение коренного народа, однако без этого компонента не может называться народ коренным, т.е. автохтонным (в исторической литературе иногда встречается и термин «аборигенный народ»).

В Осетии в XVIII в. господствовали раннефеодальные отношения, переплетавшиеся с патриархально-родовыми. Здесь были, конечно же, привилегированные сословия, которые назывались у осетин-иронцев «алдарами», а у осетин-дигорцев «баделятами» [2, с. 98]. Подчеркну и то, что алдары и баделяты, будучи феодалами, фактически были приравнены к российским дворянам. Социально-экономической структуре осетинского общества «были присущи те же признаки, которые свойственны феодальному обществу: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя средствами производства и земель, личная зависимость крестьянина от феодала, рутинное состояние техники» [3].

Население Осетии, в основной своей массе было крестьянским и, разумеется, находилось в зависимом положении от алдаров и баделят. Отметим, что разная степень зависимости от феодалов, т.е. от алдаро-баделятских фамилий определяло наличие нескольких социальных категорий внутри крестьянства Осетии, каждая из которых имела свое название: фарсаглаги («рядом стоящие»), кавдасарды («рожденные в хлеву», отец которого был феодалом – алдаром, а мать из низших сословий осетинского общества). Все это имело место в Тагаурском обществе Осетии, где феодальные отношения были достаточно развиты. Что касается Дигорского общества Осетии, то и здесь крестьяне делились на несколько категорий: адамихатов («порода людей»), кумаяги («человек из Кумы»; по социальному статусу приравнивался к категории «кавдасардов»), косаги («работники») и уацайраги («рабы»). Осетинские феодалы по-разному относились к крестьянам в зависимости от их социального статуса.

Подчеркнем и то, что тагаурские фарсаглаги и дигорские адамихаты составляли категорию «свободных крестьян»: юридически за ними признавалось право свободного перехода от одного феодала к другому. В то же время существовали и некоторые ограничения, которые не позволяли «свободному крестьянину» переходить из одного места в другое. Например, по обычаю предков при оставлении места жительства крестьянина-фарсаглага жилище и вся его собственность переходили к феодалу. Кроме того, как подчеркивается в «Истории Северо-Осетинской АССР», выступая как номинальные владельцы земли или ее вечно наследственные арендаторы, «фарсаглаги и адамихаты обязывались платить собственнику земли феодальную ренту в форме натуральных поборов и повинностей, в противном случае феодал имел право прогнать их с земли» [3]. К этому следует добавить и то,

что кавдасарды в Тагаурии и кумаяги в Дигории были детьми феодалов, рожденные от так называемых «номылус» – незаконных жен феодалов и женщин из низших слоев осетинского крестьянства. В этой связи любопытным представляется подчеркнуть, что кавдасардов и кумаягов было достаточно много в Северной Осетии, где на протяжении длительного времени проживали алдары и баделята (в Южной Осетии не было алдаров и баделят, то есть осетинских феодалов, а были только грузинские – Эристовы, Мачабеловы и др.). В XVIII в. русские исследователи зафиксировали даже целые деревни, например, Вачилло и Тума недалеко от современного селения Хазнидон (бывшее с. Каражаево, где жили осетины-баделята Каражаевы, феодалы Дигории), Ирафского района Северной Осетии. Исследователи-осетиноведы знают, что Тума в переводе с кабардинского означает «незаконнорожденный». В Адыгской (Черкесской) энциклопедии слово тума имеет такое объяснение: «Особое место в сословной структуре адыгского феодального общества занимали тума, которые в сословном порядке хотя и выше тлекотлешей (дворяне первой категории. – В.Дз.), но полных княжеских прав не имеют. Социальную категорию тума, образовавшуюся в результате неравных браков князей, следует отличать от их незаконнорожденных детей, которые также назывались тума, но причислялись к разряду узденей третьей степени» [4, с. 131].

А этимологию Вачилло мы до сих пор, к сожалению, не можем понять и расшифровать. Вполне возможно, что русские специалисты, зафиксировавшие названия этих двух населенных пунктов, по какой-то причине неправильно записали его название – Вачилло, так как ни с кабардинского, ни с осетинского это слово не переводится. Незаконнорожденные дети, т.е. кавдасарды и кумаяги имели право носить фамилию отца – феодала, а во всем остальном были почти такими же бесправными крестьянами, как и десятки тысяч других. Если хозяин мог продать своего раба, то никто в Осетии не мог продать кавдасарда или кумаяга. В основном этим отличались рабы от незаконнорожденных детей феодалов.

В морально-психологическом плане необходимо еще отметить, что к незаконнорожденным детям феодалов многие из привилегированных сословий Осетии относились значительно лучше, чем к рабам. Если подчеркивать глубину социальной дифференциации в Осетии и особенно в ее составной части Тагаурии, то необходимо сказать хотя бы коротко о господствовавших здесь нормах обычного права (адата). По законам осетинского адата за убийство своего кавдасарда феодал Тагаурии не нес никакого правового или морально-этического наказания. Он обязан был понести наказание даже за убийство чужого кавдасарда и заплатить его стоимость владельцу. В то же время, как подчеркивал известный специалист по истории и этнографии Кавказа XIX в. Ф. И. Леонтович, большой специалист по обычному праву осетин и некоторых других народов Северного Кавказа, «жизнь феодала ценилась в 420 коров, фарсаглага 324, кавдасарда 25» [4]. В качестве калыма за девушку из социальных верхов нужно было заплатить 100 быков или 1000 рублей серебром, одного мальчика (или 120 рублей серебром) и панцырь [5]. Что касается девушки крестьянского происхождения, то за нее в качестве калыма, по свидетельству того же Ф.И. Леонтовича, нужно было заплатить 60 коров или 30 быков и одного пленника (или 12 быков) [5, с. 42]. А вот за девушку кавдасардского происхождения брали от 30 до 38 коров [3]. Анализируя данную проблему, необходимо подчеркнуть и то, что за нанесение раны или увечья лицам из феодальной фамилии виновный обязан был отдать 70 коров (из них 35 стельных), одного мальчика и ружье стоимостью 100 рублей серебром; а если человек был из семьи фарсаглага-18 коров, лошадь (50 рублей), ружье (40 рублей) и плату за угощение родственников пострадавшего (9 коров); из кавдасардской – 40 коров [5, с. 42].

Необходимо подчеркнуть еще и то, что с годами феодалы Тагаурии, которые вошли в историю Осетии как «феодалы – тагиата», все более усиливали эксплуатацию подвластных крестьян. Это становилось нормой в обычном праве Осетии. Феодалы Дударовы, среди которых было несколько генералов и полковников Российской Императорской армии, были не только сильными, влиятельными, но и старались жестко контролировать Военно-Грузинскую дорогу. Она имела большое военно-стратегическое значение, по ней проходили из Российской империи в сторону Грузии не только военные, но и многочисленные

купцы, путешественники, ученые, журналисты и т.д. Дударовы, прекрасно понимая суть и значение важнейшей дороги, не только контролировали, но также и ремонтировали ее в различных местах, где чаще всего образовывались различные завалы и повреждения, особенно на мостах. Разумеется, Дударовы брали определенную стоимость за проход через дорогу и в сторону Грузии, и обратно в Российскую империю. Тем не менее, анализ проблемы убеждает, что основой феодальной зависимости крестьян этого общества, то есть Тагаурии, оставалось на протяжении XVIII- XIX вв. феодальная собственность на землю [3, с. 177].

Что касается Алагирского и Куртатинского обществ Осетии, то следует отметить и здесь феодальные отношения. Хотя они не были столь развиты, как в Тагаурском и Дигорском обществах Осетии. На то были свои объективные причины, в суть которых в настоящем докладе нет необходимости глубоко вникать. Коротко можно отметить, что верхи Куртатинского и Алагирского обществ, в отличие от Тагаурских и Дигорских, меньше имели феодальных прав над остальными категориями крестьян, включая фарсаглагов, кавдасардов, кусагов и рабов. В то же время подчеркну и то, что и в Алагирском и Куртатинском обществах Осетии между «верхами» и трудовым крестьянством складывались «отношения господства и подчинения» [5]. Так, «куртатинские фарсаглаги обязаны были отдавать своему хозяину весной ягненка, а осенью – большого барана, кроме того, мешок хлеба, копну сена, ведро пива и т.д.» [5]. А кавдасарды обязаны были во время пахоты, сева и жатвы выполнять различного рода полевые работы в пользу феодала. Что касается социальной структуры Куртатинского общества, то она включала два класса - феодалов и зависимых от них крестьян. Население этой части Осетии подразделялось на феодалов, фарсаглагов, кавдасардов и рабов.

О различных повинностях зависимого населения Осетии в указанный период в Алагирском обществе писали многие исследователи, в том числе и зарубежные. Однако здесь важно привести хотя бы короткую характеристику основоположника осетинской литературы и языка, этнографа и публициста К. Л. Хетагурова, который посвятил данному вопросу специальный историко-этнографический очерк «Особа» [6]. Он писал: «Общество алагирцев делится на феодалов и крестьян» [6, с. 178]¹.

По мнению К. Л. Хетагурова, к первым, т.е. к феодалам, относились «стыр» или «тыхджын мыггаг» – «большая» или «сильная фамилия». «Сильные фамилии» представляли руководящую силу в набегах и, как отмечал основоположник осетинской литературы и языка, «при дележе добычи львиная доля доставалась им». К этому следует добавить и то, что «сильным фамилиям» доставались и лучшие нивы, пастбища, луга и леса. По мнению К. Л. Хетагурова, фамилии фарсаглагов были малочисленнее и беднее тех, кто был причислен к «тыхджын мыггаг». При этом он подчеркивал, «что общее число фарсаглагов составляло громадное большинство населения как Нарской котловины, так и всей Осетии» [7]. Далее он подробно объясняет суть поселений, в которых жили фарсаглаги, а также земельную собственность и некоторые другие особенности данного сословия крестьян в Осетии. Он подчеркивал: «Поселения их не имели боевого расположения, земельная собственность их как по количеству, так и по качеству далеко уступала владениям сильных. Податей они, как и сильные, никому не платили и были фактически совершенно независимы. Находясь под покровительством сильных, они в тревожное время «особа» пользовались их поддержкой. Фарсаглаги в свою очередь оказывали услуги сильным во время их работ, в особенности при постройках башен, при столкновениях с другими сильными и в походах за перевалы» [7].

¹ Сам К.Л. Хетагуров так пояснял значение термина «особа»: «Отец мой, скончавшийся в 1892 г. 82 летним стариком, был живым свидетелем последней эпохи того невозвратного прошлого в истории Осетии, которая несет название особа. В течение последнего полувека русское влияние на Кавказе так изменило самобытность туземцев (коренных народов. – В.Дз.), и в частности осетин, что последние словом особа стали характеризовать явление отсталое, несоответствующее современным требованиям жизни» [6, с. 313].

Интересные сведения К.Л.Хетагуров оставил нам о кавдасардах и других категориях зависимых крестьян, которые находились еще ниже по социальному статусу в осетинском обществе. О кавдасардах он писал: «Отец его зачастую был лучшим представителем сильной фамилии, но матерью его была всегда номылус – «жена по имени» (формальная или номинальная жена, фактически наложница. – В.Дз.). Бралась такие жены из тех же кавдасард или из очень бедных фарсаг (категория осетинских крестьян – фарсаглаги. – В.Дз.). Число жен хотя и ни было ограничено обычаем, но редко кто имел больше одной. По положению своему в семье номылус очень близко походила на наложницу, но не была с ней вполне тождественна в смысле большей свободы личности» [7]. Конечно, с абсолютной точностью нельзя сравнивать социальный статус номылус с наложницей. И это подчеркивал К. Л. Хетагуров, который писал: «При всякой возможности сделаться чьей либо законной женой ее (номылус. – В.Дз.) всегда отпускали и при этом, обыкновенно наделяя ее приданным, зачастую еще помогали и родным ее лучше справиться свадьбу» [7].

Здесь важно отметить, что К. Л. Хетагуров подчеркивает исключительно редкий случай в осетинском обществе. Да, действительно здесь были редкие случаи, когда номылус выходила замуж, становясь законной женой мужчины хотя бы из социальных низов. Но, необходимо отметить еще раз, такое случалось крайне редко. Весьма интересные наблюдения нам оставил К.Л. Хетагуров и о детях номылус. Так, он писал: «Положение детей от номылус, помимо их оскорбительной клички – кавдасард, было вообще тяжелое. Они росли, выбиваясь из сил в непосильной работе. Девушка обыкновенно выходила замуж за такого же по происхождению молодого осетина, как и сама, они становились «женой по имени» какого-нибудь старика из сильной фамилии. Редко ей выпадало счастье выйти за приглянувшегося молодого фарсаглага, хотя бы и крайне бедного, но зато без обидной клички «кавдасард». Мальчик оставался в доме своего отца, рос, работал, мужал, и если после совершеннолетия находил для себя лучшим отделиться и жить самостоятельно, то это ему разрешалось беспрепятственно» [7]. Следует подчеркнуть, что К.Л. Хетагуров все, за что брался, делал в высшей степени серьезно, ответственно и максимально объективно. Ни у кого из исследователей его творчества такой вывод не вызывает сомнений. В этой связи хочется подчеркнуть условия развода между отцом – феодалом и сыном – кавдасардом. Коста Леванович писал: «Часть, которую по обычаю должны были ему (кавдасарду. – В.Дз.) выделить из общего имущества семьи была так незначительна, что он обыкновенно предпочитал оставаться в доме отца или до выделения ему большего пая, или даже до конца жизни» [7]. К этому следует добавить, что каждый кавдасард в осетинском обществе не имел никакого значения, т.к. его воспринимали как обычного работника, несмотря на то, что мог носить фамилию своего влиятельного отца – феодала. В то же время необходимо указать, что он пользовался, по выражению К.Л. Хетагурова, «полнейшей свободой» [7].

Талантливый публицист и этнограф К.Л. Хетагуров дает четкие разъяснения и другим категориям осетинского крестьянства. Он писал: «Æлхæд (купленный. – В.Дз.), саулæг (черный мужчина. – В.Дз.), цагъайраг (раб; крепостной. – В.Дз.) был еще больше обижен судьбой. Приобретенный где-нибудь на стороне, купленный или похищенный ребенком или даже взрослым, взятый в плен во время набега в какое-нибудь отдаленное ущелье, всегда иной национальности, этот несчастный æлхæд (купленный. – В.Дз.), делался жертвой полнейшего произвола своих хозяев, это был безусловный раб, которого можно продать, купить, убить и помиловать. Обычные названия «саулæг» (черный мужчина. – В.Дз.), «æлхæд» (купленный. – В.Дз.) или «цагъайраг» (раб; крепостной. – В.Дз.) и «уацайраг» (пленник. – В.Дз.) показывают... несомненно... происхождение этих невольников» [7]. К числу в высшей степени интересных сообщений, которые мы находим не только в архивных документах, других источниках, но и в сочинениях К.Л. Хетагурова можно отнести утверждение о том, «что в Осетии есть местности, где купленных называли «гурдзиаг» – грузин. Впрочем, во всей Осетии таких бесправных рабов можно было насчитать не более двух-трех десятков» [7]. Таким образом, К. Л. Хетагурову удалось показать и наглядно обрисовать социальное неравенство не только Алагирского общества, но и всей Осетии. Анализ данной

проблемы показывает, что основоположник осетинской литературы и языка был максимально прав, говоря о социальном неравенстве на территории Осетии.

Анализируя проблему социальных отношений, необходимо, сказать подробнее о Дигорском обществе. Изначально Дигория подразделялась на феодальные общества: Донифарское, Стур-Дигорское, Тапан-Дигорское и Уаллагкомское. Подчеркнем и то, что «в XVII в. здесь размещалась 28 населенных пунктов и около 800 дворов» [3]. Специалисты-осетиноведы считают, что по сравнению с другими осетинскими обществами Дигорское находилось в наиболее выгодном географическом положении. На то были свои объективные причины, о которых в настоящей статье нет необходимости останавливаться. Подчеркнем лишь наличие в Дигории огромных и прекрасных пастбищ «Харес» и «Таторс», а также большого количества прекрасных плодородных альпийских лугов, которые не могли не оказывать, в хозяйственной жизни большого позитивного влияния Стур-Дигории и Донифарса. Добавлю и то, что Дигорское общество и их влиятельные феодалы-баделята поддерживали тесные хозяйственные, торговые и родственные связи с ближайшими соседями – Балкарией и Грузией, особенно с Имеретией. Тесные контакты Дигорское общество поддерживало и с Русской пограничной линией (разумеется, до присоединения Осетии к Российской империи). Разносторонние экономические, культурные и другие связи способствовали росту феодальной собственности в Дигорском обществе.

Подчеркнем и то, что именно ростом феодальных отношений отличались дигорцы Северной Осетии от Куртатинского и Алагирского обществ. Во всем остальном, разумеется, они были почти равными, хотя замечу, что некоторые российские и особенно зарубежные исследователи, побывавшие в разные годы на территории Осетии, подчеркивали и большую разницу между различными обществами, которые они видели. Так, известный путешественник и исследователь истории, культуры и быта осетин К. Кох писал «что дигорцы вместе с тагаурцами являются единственными осетинами, среди которых некоторым удалось объявить себя «властителями местности»» [3]. Скорее всего, немецкий путешественник имел в виду, что дигорские старшины, которых в литературе называют по-разному – баделята, старшины, феодалы, князья. Все они были выходцами, согласно легенде из Маджар, т.е. они действительно были пришельцами, хотя их присутствие в Осетии наблюдается уже с 1550 г. Что касается тагаурских феодалов Дударовых, то их появление на территории Осетии также можно отнести примерно к этому времени. Тем не менее, и баделята, и Дударовы считали себя «властителями местностей», где они поселились. Понятно, что они не сразу объявили себя такими «властителями местностей», а постепенно по мере укрепления своей власти и влияния над всеми остальными осетинами. Феодалы в Дигории были представлены семью фамилиями. Не все феодальные фамилии были равны между собой, так как сила и власть каждого из них зависела в первую очередь от земельных угодий. По сведению известного немецкого путешественника и исследователя народов Кавказа Ганса-Юлиуса Клапрота, оставившего в высшей степени интересные сведения об осетинском народе, в зависимости от баделят Кубатиевых находилось 30 дворов, а от Тугановых были в зависимости 400 дворов [8, с. 147.].

Что касается других баделятских фамилий – Каражаевых, Абисаловых, Кабановых, Чегемовых и Битуевых, то и их влияние, сила и значимость в Дигории определялось в первую очередь от зависимости от них крестьянских масс. Разумеется, у каждой из этих фамилий был различный статус, в зависимости от того, сколько крестьян им подчинялось. Важно подчеркнуть и другое, а именно уровень развития феодальных обществ Дигории, которые отличались друг от друга. Так, в Тапан-Дигории и Стур-Дигории феодальные верхи не только занимали прочные позиции, но и с каждым годом методично расширяли сферу своего внимания на крестьянские массы.

По-другому складывалась хозяйственная и общественно-политическая обстановка в Донифарском обществе. А главная проблема здесь состояла в том, что в Донифарском обществе основным населением были так называемые «свободные массы крестьянства», которые находились в полузависимом состоянии. Анализ данной проблемы не будет

полным, а тем более глубоким и всесторонним, если не сказать о взаимоотношениях дигорских феодалов с кабардинскими князьями и феодалами, с которыми дигорцы-осетины поддерживали близкие хозяйственные и кровнородственные связи. В первую очередь такие близкие связи свидетельствуют о классовом союзе между «верхами» Осетии и князьями-феодалами Кабарды. Они всячески укрепляли взаимоотношения между собой вплоть до совместных браков. Добавлю и то, что большое количество молодых кабардинских аристократов, используя древний обычай аталычества, воспитывались до совершеннолетия в домах осетинских «верхов». Не вдаваясь в подробности и специфику обычая аталычества, подчеркну лишь, что он служил надежным средством в сближении кабардинских и осетинских «верхов». Это, однако, не мешало кабардинской стороне облагать данью осетинских старшин-феодалов.

Отметим, что население Дигории в Осетии, в отличие от других осетинских обществ, делилось на большее число социальных категорий: баделятов (феодалов), адамихатов (свободных крестьян, хотя фактически в чем-то их свобода ограничивалась), хехезов (в переводе с кабардинского – «пришелец»), кумаягов или тумов (незаконнорожденные от феодала и наложницы), косагов (работников) и рабов. Дигорские адамихаты и форсаглаги в других осетинских обществах (за исключением Южной Осетии) по своему социальному статусу были равны. В то же время необходимо подчеркнуть отдельные особенности и разницу в социальном статусе. Адамихаты были основной крестьянской массой в Дигории. По сравнению с форсаглагами Тагаурии, Алагирии и Куртатии крестьяне-адамихаты находились в большей зависимости от своих феодалов и старшин. Крестьянин-адамихат считался подвластным своего феодала, хотя повинности он имел в основном в форме «натуральной оплаты». Это выражалось, в частности, в том, что феодал, выдававший замуж дочку или сестру, обязан был требовать с адамихата одного быка.

Возьмем другой пример, связанный с калымом, который был важнейшим условием для выдачи дочки или сестры замуж. Фактически на территории всей Осетии, как и в других местах Северного Кавказа, калым считался обязательным условием перед заключением брака. Если крестьянин-адамихат получал за свою дочь или сестру калым, то он обязан был давать своему феодалу из этого также одного быка (в основном в тот период расплачивались быками, коровами, лошадьми, баранами и т.д.). Кроме того, адамихаты обязаны были и в некоторых других случаях угождать своему феодалу, например, в праздничные дни, на Новый год, праздники, посвященные Уастырджи – Уаскерги и т.д. Если учитывать, что в Дигорском обществе, особенно верхи приняли мусульманство от Кабарды, то необходимо подчеркнуть и то, что в мусульманские праздничные дни, например, Курбан – Байрам дигорский адамихат обязан был уважить своего феодала – мусульманина различными подношениями – мёдом, пивом, частью туши быка или хотя бы барана и т.д. Таким образом, адамихат, с одной стороны, вроде был «свободным крестьянином», а, с другой, обязан был по обычному праву своему непосредственному феодалу отдельными угощениями.

С этой позиции очень трудно определить, был ли адамихат свободным крестьянином или подвластным феодалу.

В то же время адамихат имел право уйти от своего феодала в отличие от некоторых других крестьян, например, косагов. Однако, номинально такой адамихат продолжал считаться за своим первым феодалом, на земле которого он жил. Ушедший к другому феодалу крестьянин-адамихат терял кое-что существенное, например, свою собственность. Другими словами, жилище адамихата оставалось в полном распоряжении первого феодала. Если учитывать, что в то время все категории крестьян жили бедно или слишком бедно, то каждый адамихат прежде чем покинуть свое место жительства должен был крепко подумать о возможных нежелательных последствиях своего решения. Одним словом, поменявших свое место жительства, то есть ушедших от одного феодала к другому, во всей Осетии было мало. Были редкие случаи, когда адамихат в силу некоторых объективных обстоятельств вынужден был уходить из Дигории в какие-то другие места, иногда в Балкарию или Кабарду. Это был, повторим еще раз, редкий случай, но при этом адамихат прекрасно понимал, что вся

его скромная собственность, нажитая за многие годы ежедневного кропотливого труда, оставалась в полном распоряжении феодала. Дополнительно к этому можно добавить еще и то, что его земля переходила к феодалу. Обязанности адамихата перед своим феодалом не ограничивались только перечисленными конкретными примерами. В продолжение можно утверждать, что, если адамихат не имел наследников по мужской линии, то после его смерти жена и незамужние дочери становились служанками феодала. А фактически они часто становились просто как категория крестьян-кумаяги, что не только в Дигории, но и на территории всей Осетии считалось очень неприличными и даже унижительным. После смерти адамихата, если он не оставил наследников по мужской линии, движимое и недвижимое его имущество также становились собственностью феодала. Таковы были правила и традиции обычного права осетин. Были еще и другие строгие правила взаимоотношений между феодалом и адамихатом. Так, например, феодал мог на определенное время воспользоваться собственностью адамихата – потребовать у него лошадь, быка, плуг для вспашки земли и т.д. Когда же адамихат продавал что-либо из личного имущества, то он обязан был, по обычному праву осетин, предложить сначала его своему феодалу, а в случае отказа баделята, имел право, предлагать его любому другому человеку.

Что касается категории осетинских крестьян, которые вошли в историю Осетии, как хехезы (хехесы), то их история до сих пор остается недостаточно исследованной всесторонне и глубоко. Не совсем понятна и этимология слово хехез. Мне представляется, что хехез кабардинское слово («хехез» или «хехес») и переводится как «пришелец». В этой связи отметим, что в солидном исследовании «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в двух томах)» в первом томе читаем следующее: «Хехезы (повидимому, от дигорского хе хезун – «себя оберегать») [3]. Действительно, эта категория крестьян были пришельцами с одного ущелья в другое, из одной территории в другую. Какие-то неожиданные или суровые обстоятельства вынуждали их покидать свои насиженные места и переходить в другие территории. Причин здесь было достаточно много, начиная от кровной мести и заканчивая банальными поисками лучшей доли для более достойной жизни. Правовое положение этой категории крестьян недостаточно четко определено, тем более, что хехезы со временем смогли адаптироваться с другими группами крестьян. Первоначально хехезы формально считались «свободными», но так же, как и адамихаты, трудно было различить степень их свободы. С одной стороны, они были свободными, а с другой, вынуждены были нести определенные повинности в пользу феодала. В любом случае крестьянин-хехез вынужден был селиться на чужой земле, то есть там, где проживал тот или иной феодал или даже «рядовой старшина». А раз так, то хехез попадал в фактическую зависимость от феодала, т.е. хозяина земли. Хехез, как и адамихат, имел право переходить от одного феодала к другому. Но проблема состояла в том, что в этом случае его недвижимое имущество поступало к феодалу-баделяту. А это вынуждало каждого крестьянина-хехеза внимательно и долго думать и взвешивать, стоит ли ему переходить в другое место или нет.

Конечно, правовое и общественно-политическое положение хехеза было намного лучше, чем у кумаяга (у осетин-иронцев его статус был равен кавдасарду). Фактически положение крестьянина-кумаяга был равен положению холопа [9, с. 404]. Если кумаяга нельзя было сравнивать буквально с холопом, то, во всяком случае, его социальный статус близко приближался к нему. Жили они, кумаяги, как правило, в зажиточных домах, но в помещениях, которые строились специально для слуг. Они выполняли самую тяжелую работу, например, косили сено, рубили дрова, ходили в лес за ними, одним словом, самые тяжелые виды сельскохозяйственных работ были их уделом.

Одно из немногих преимуществ крестьянина-кумаяга состояло в том, что, в отличие от раба, его нельзя было продать. Во всем остальном они были бесправными крестьянами, которые обязаны были выполнять самую тяжелую работу на своего хозяина. Кроме того, кумаяги круглые сутки в обязательном порядке проявляли исключительную готовность служить своему господину. А в случае необходимости, когда господину угрожала какая-либо

опасность, защищали его с оружием в руках. Была еще одна категория крестьян в Дигории, которых называли косаги, то есть работники. Их социальный статус был достаточно низким. Ниже их по социальному статусу были только рабы (многие авторы считали косагов и рабов равными по социальному статусу). Анализ проблемы убеждает в том, что разницы между косагами и рабами почти не наблюдается. Повторю еще раз, что рабов можно было продать, а косагов – нет, хотя при желании своего хозяина любой косаг мог быть продан, подарен, помилован и т.д. Здесь многое еще зависело от характера и психологии своего хозяина. Если он был хотя бы элементарно порядочным, сердобольным, человеческим, то из чувства жалости мог, а точнее говоря, обязан был проявить лучшие человеческие качества и не превращать своего косага в раба. Но таких феодалов или старшин в Осетии было крайне мало.

Во второй половине XVIII в. положение всех категорий крестьянства Дигории постепенно, но методично ухудшалось. Это было связано с тем, что феодалы, то есть баделята (по названию родоначальника феодалов Дигории – Бадели, появившегося в горах Дигории примерно в 1550 г.) систематически добивались как можно большей эксплуатации трудового крестьянства. При этом нравственная сторона обычного права осетин особо не бралась в расчет. Феодалы-баделята в основной своей массе добивались полнее закрепить крестьянские массы, включая даже «свободных», то есть адамихатов. О других категориях крестьян, которые подвергались еще большей эксплуатации со стороны «верхов», не приходится и говорить. Так, феодалы-баделята существенно ограничивали переселение крестьян – адамихатов на земли, которые дигорские феодалы волюнтаристски без правового обоснования считали «своими территориями». Кроме того, баделята увеличивали повинности адамихатов и захватывали общинные земли [3]. Таким образом, продолжительное противостояние между баделятами и трудовыми крестьянскими массами продолжалось долго и в 1781 г. вылилось в крупное восстание в горах Дигории.

То ли случайно, то ли преднамеренно, но в 1781 г. в разгар открытого выступления крестьян Дигории против баделейт здесь оказался русский офицер Леонтий Штедер, оставивший нам, потомкам, в высшей степени интересный «Дневник», куда он записывал самое интересное и уникальное из истории того периода Дигории. Сегодня исследователи-осетиноведы успешно пользуются «Дневником» Л. Штедера, как ценным источником по истории и этнографии осетинского народа второй половины XVIII в. Долгое время он считался и до сих пор считается интересным исследователем истории осетинского народа. И это правда. Но вся правда состоит в том, что офицер Российской Императорской армии Леонтий Штедер, судя по всему, выполнял еще и разведывательно-стратегическую миссию царской России. Напомню, что он прибыл в горы Дигории в 1781 г., т.е. через 7 лет после присоединения Осетии к Российской империи.

Подчеркнем и то, что Дигория, как составная часть всей Осетии, присоединилась к Российской империи именно в этом году. Вряд ли пребывание русского офицера в 1781 г. было продиктовано только желанием изучить историю и культуру осетин-дигорцев. Кроме того, внимательный анализ «Дневника» Л. Штедера убеждает, во-первых, в скрупулезности предмета исследования, тщательном отборе фактов и событий, включая ожесточенное классовое противостояние трудовых масс и феодалов-баделейт. А, во-вторых, отдельные сведения Л. Штедера больше напоминают военно-стратегические установки для Российской империи, которая была заинтересована в присоединении Дигории, но не имела четкого представления о ней. Как бы то ни было, но Л. Штедер внимательно наблюдал за происходящими событиями в Дигории в 1781 г., когда недовольные крестьяне большими массами выступили против феодалов-баделейт. Напомню, что крестьяне Дигории выдвигали тогда целый ряд серьезных требований, которые отвечали их классовой сущности и интересам. Выступление дигорских крестьян против своих феодалов-баделейт в 1781 г. в исторической литературе считается «самым крупным антифеодальным выступлением осетинского крестьянства в XVIII в.» [3]. Напомним и то, что в общей сложности всего по Северной Осетии было 167 феодальных семейств, или 657 человек мужского пола [10, с. 15].

Список источников

1. Дзидзоев В. Д. Военно-политическое и межнациональное противостояние на Северном Кавказе в 1917-1925 гг. (К вопросу периодизации вооруженной борьбы в регионе) // Научная мысль Кавказа. 2008. № 3.
2. Осетинская этнографическая энциклопедия (глав. ред. доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Л. А. Чибиров). Владикавказ, 2013.
3. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней (в 2-х томах). Т. I. Орджоникидзе, 1987.
4. Адыгская (Черкесская) энциклопедия (глав. ред., профессор М.А. Кумахов). М., 2006.
5. Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Ч. II. Одесса. 1883.
6. Хетагуров К. Л. Особа / Полное собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Владикавказ. 2000.
7. Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Владикавказ, 2000.
8. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. / Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
9. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
10. Кокиев Г. А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.

References

1. Dzidzoev V. D. Military-political and interethnic confrontation in the North Caucasus in 1917-1925. (On the issue of periodization of armed struggle in the region). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2008;(3). (In Russ.)
2. *Ossetian ethnographic encyclopedia* (chapters. ed. Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation L. A. Chibirov). Vladikavkaz; 2013. (In Russ.)
3. *The history of the North Oetinsky ASSR from ancient times to the present day* (in 2 volumes). T. I. Ordzhonikidze; 1987. (In Russ.)
4. *Adyghe (Cherkess) encyclopedia* (chapters. ed., Professor M.A. Kumakhov). Moscow; 2006. (In Russ.)
5. Leontovich F. I. *Adaty Caucasian highlanders*. Part II. Odessa, 1883. (In Russ.)
6. Khetagurov K. L. *Osoba*. In: Complete works in 5 vol. Vol. 4. Vladikavkaz; 2000. (In Russ.)
7. Costa Khetagurov. *Complete works in 5 vols*. Vol. 4. Vladikavkaz, 2000. (In Russ.)
8. Klaprot Yu. A journey through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808. In: *Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers*. Ordzhonikidze, 1967. (In Russ.)
9. Magometov A. Kh. *Culture and life of the Ossetian people*. Ordzhonikidze, 1968. (In Russ.)
10. Kokiev G. A. *Peasant reform in North Ossetia*. Ordzhonikidze, 1940. (In Russ.)

Информация об авторе

В. Д. Дзидзоев – докт. ист. наук, проф., зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета (Горский государственный аграрный университет).

Information about the author

V. D. Dzidzoev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of law (Gorsky State Agrarian University).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.